

THE FIRST RELEASE FROM A PREVIOUSLY UNKNOWN
AUTHOR.

BRUSNIKA.

"ЕСЛИ ТВОЯ СУДЬБА НЕ ВЫЗЫВАЕТ У ТЕБЯ СМЕХА, ЗНАЧИТ ТЫ НЕ
ПОНЯЛ ШУТКИ" ГРЕГОРИ ДЭВИД РОБЕРТС

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

AL' KOS

18+

Аль Кос Brusnika

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=49391659

SelfPub; 2021

Аннотация

Каждый пытается найти что-то своё, тихое местечко для утешения души и остывания мозга. Кто-то находит его в книгах, отрекаясь от людей, попадая в другой мир. А кто-то любит создавать этот мир и дарить его людям в виде страстных романов и тёплых повестей. Именно таким и является наш герой, Джеймс Райли, молодой писатель, автор своего первого большого романа "Brusnika", написанного, как он считает с изяществом, глубиной и мудростью. Джеймс приносит свою рукопись в писательское агентство, не подозревая, как изменится его жизнь после этой роковой встречи.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть первая	5
Глава I	5
Глава II	11
Глава III	22
Глава IV	28
Глава V	33
Часть вторая	36
Глава I	36
Глава II	40
Глава III	44

Аль Кос Brusnika

«Марципановое дерево»

Автор: [Павел Покидышев](#) Масло, Холст, 80 x 85

Часть первая

Глава I

– Мэри, твоя запеканка сегодня просто волшебна!

– Ну что Вы, мисс Валери, запеканка как запеканка.

– Нет, сегодня всё особенное, сегодня даже солнце светит как-то по-другому.

– Ох, милочка! Вам надо бы померить температурку, может быть, у Вас жар... Вы себя так странно сегодня ведете!

– Милая Мэри, Вы, как всегда, правы: в моей груди жар, в моей грудной клетке резвится настоящая жар-птица. А всё потому, что Генрих сегодня должен сделать мне предложение. Наконец-то мое марципановое дерево расцветёт и заблагоухает.

Дочитав это предложение, главный редактор писательского агентства Вайлет Фейн, как-то тяжело вздохнула и подняла глаза на Джеймса, непосредственного автора этого произведения:

– Марципановое дерево? Это вообще, что за дерево такое? Мистер Райли, Вам вообще известно, что такое марципан!?

Джеймс никак не ожидал такого вопроса, он ожидал услышать всё, что угодно, но только не вопрос о марципановом

дереве.

– Марципановое дерево – это прекрасное и удивительное творение природы, оно так же прекрасно, как тысяча кустов роз. Произнося это, Джеймс вспоминал, как на одной из выставок изобразительного искусства, он довольно долго разглядывал картину знаменитого художника Покидышева Павла Васильевича, которая так и называлась "Марципановое дерево".

– Да, – уверенно сказал Джеймс, – это самое прекрасное дерево, какое только может существовать в природе.

– Я, конечно, не хотела бы Вас разочаровывать, мистер Райли, но на нашей планете, марципаном называют перемолотый в муку миндальный или другой орех, после чего в него добавляют сахарный сироп, – это и называется «марципан»!

Ответ главного редактора сбил его с толку.

«Не может быть, что марципанового дерева не существует! Почему я не проверил эту информацию – теперь Вайлет подумает, что я дилетант, очередной фееричный придурок со своим выдуманном деревом.» – подумал Джеймс, но вслух произнес:

– Миссис Вайлет,...

– Мисс Вайлет, – поправила его редактор.

– Извиняюсь, Мисс! Меня в заблуждение ввела картина одного знаменитого художника Подкидышевова...

– Первый раз слышу.

– То есть Покидышева, в общем, не важно! Я прошу меня

извинить, что не проверил эту информацию.

«Что я говорю!!! Теперь она точно подумает, что я – обычный любитель, дешёвка». Разговор начинался совершенно не с того, что он хотел бы слышать. Но Джеймс решил замолчать и надеяться на лучшее.

Вайлет Фейн была весьма одинокая женщина, которая отдавала всю себя работе. Вайлет была на месте главного редактора уже больше двадцати лет, и она знала, даже была уверена, что ей хватит трех строчек в любом произведении, чтобы почувствовать гениального писателя. "Мы за равенство только с теми, кто нас превосходит" – именно так она и считала, но отредактировала этот принцип лично для себя и ввела его в свою жизнь: "Мы за секс только с теми, кто нас превосходит". Подруг у неё не было, всех знакомых женщин она презирала и считала лживым и глупыми созданиями, которые думают, что писатель Эрих Мария Ремарк это два человека, брат и сестра. Зато дома её всегда ждал любимый кот по кличке Марко, которому она рассказывала всё, что происходит и не происходит в её жизни, а при хорошем настроении Марко был ещё и отличным партнером по утренним танцам, хотя, могу поклясться, кот был не в восторге от своей партнерши.

Скривившись в неодобрительной ухмылке, Вайлет сказала:

– Джеймс, хочу обратить ваше внимание вот на эту главу. Глава 17. Отрывок второй.

– Ах, где же Генрих? Я так по нему скучаю, ведь это первый человек, который покорило мое сердце, не пользуясь Эскамотированием.

– Мистер Райли...

– Можно просто Джеймс.

– Джеймс, сколько Вы писали это убожест... этот роман?

– Два года, с отрывками, конечно, на еду и сон, – у него вырвался нервный смех.

– Знаете, Джеймс, когда я иду каждое утро на работу, я прохожу мимо пекарни, которая называется "Кулинарная лавка имени братьев Караваевых" и, знаете, что я думаю?, – она взяла небольшую паузу, обдумывая, как бы точнее выразиться, – Я думаю, что Братья Караваевы, которые, кроме этой вывески, может и не написали в своей жизни ни слова, гораздо талантливее, чем Вы, со своим "романом". Кстати, почему у него такое название "Брусника"? Прочитав половину Вашего «творчества», я так и не поняла, причем здесь брусника!?

– Потому что она сладкая и горькая, сама жизнь, – сбивчиво и неуверенно ответил Джеймс.

Но Вайлет уже не слышала его, она была настроена, чтобы после их разговора Джеймс никогда больше не притронулся к перу писателя.

Самым важным в своей работе Вайлет считала возможность отгородить читателей от писателей-неудачников.

– И зачем Вы вообще взяли 18 век, Вы что, новая Джейн

Остин или реинкарнация Чарльза Диккенса? Я, так вижу, Вы большой поклонник Шарлотте Бронте... а знаете, о чем бы она подумала, прочитав Ваше творение? Нет?! Она бы подумала, что просто не сможет столько съесть, сколько ей хочется выbleвать!

– Восемнадцатый век! Ну, зачем, Джеймс? Это покрытая пылью тема... Вы читали Уилки Коллинза?

– Да, конечно! Уилки – не плох, он один из моих любимых автор, из его произведений я и ...

Но Вайлет была в своем боевом настроении, в её глазах горел огонь, а её слова были острее турецкой сабли. И головы молодых писателей так и летели к её ногам, замирая с удивленным выражением лица. Она не дала ему договорить:

– Тогда извините меня, но, что за хрень Вы написали, Джеймс!? Что за тятеньки, какое к черту, эскамотирование!? Это самое бездарное, серое и блевотное произведение, которое я когда-либо читала, – с негодованием продолжала Вайлет.

– Но, миссис, то есть мисс Вайлет, я писал его два года..., – пытался возразить Джеймс, но главный редактор, уже перешагнула через культурные рамки их приличного и интеллигентного разговора:»

– Всё! Вы уже и так слишком долго тратите мое время, мистер Джеймс Райли, прошу Вас покинуть мой кабинет. Всего вам наилучшего!

Выходя из кабинета и закрывая дверь, Джеймс услышал,

как ему вслед летели слова Вайлет:

– Удачи тебе с выращиванием марципанового дерева, ха-ха-ха, идиот!

Глава II

День был солнечный, день был конченный.

Выходя из редакторского отделения, Джеймс споткнулся и упал вся его рукопись разлетелась по тротуару. Разум его был словно в тумане, Джеймс ещё не понимал до конца, что происходит. Прокручивая снова и снова в голове разговор с мисс Вайлет, он не верил, что всё могло вот так закончиться. Этот роман был для него всем, это был его билет в новую счастливую жизнь, где не было экономии – бесконечной экономии на всём.

Он отсчитывал дни, когда, наконец, закончит его, и представлял, как придет в редакцию и его встретят с улыбкой и уважительной похвалой к его работе. Он представлял, как редактор скажет, что это новое произведение искусства, что такого наполненного, живого и завораживающего своей внутренней красотой романа, она никогда еще не читала. Он так ясно видел, как она выписывает ему чек на сто тысяч, а он делает ей комплимент, подчеркивая красоту её нового маникюра.

В его голове то и дело всплывали обрывки их разговора, стыдно даже представить, какую чушь, он там нёс насчет дерева. Этот чертов вопрос сбил его с толку, он был уверен, что марципановое дерево существует. После этого вопроса всё полетело к чертям, вся его уверенность сдулась так же

быстро, как проткнутый шарик с гелием. Он вспоминал, как отвечал на вопросы редактора. Фу как он был жалок. Наверно, даже в школьнице, которую вызвали к директору, было и то больше уважения к себе. Пусть её и лишили девственности прямо под лестницей.

Эта чертова картина жестоко его подвела. Марципановое дерево!?! Как можно было так облажаться?!

Перебирая ватными ногами, он шел без какой-либо цели, его подвела собственная самоуверенность, он даже не думал, что всё так повернется.

Витрины сверкали светом, отражаясь тем миром, о котором он так долго мечтал. Что он скажет Эллис, она ведь наверно, ждет его звонка. Но что он может ей сказать?

Что его отымили, как маленькую, бедную овечку... и самое постыдное, что это была волчица с огромным черным дилдо.

И всё, что он сказал в свою защиту, было только «мее, мее, мее».

Нет, у него не хватит сил взять трубку и позвонить своей любимой девочке, ведь она так верила в него, была единственной, кто поддерживал его все эти годы. Ему было наплевать на себя, ведь всё, что он делал, он делал ради неё.

Рука сама потянулась в кожаный портфель, чтобы найти там пачку сигарет, но вместо них наткнулась на маленькую коробочку.

Дай людям мысль о прекрасном будущем, и они настроят

преждевременных планов. И в тот момент, когда счастье будет у них в руках, жизнь напомним, что, надеясь на лучшее, нельзя исключать и худшее.

Бедный Джеймс, он был так уверен в том, что его жизнь встанет на рельсы успешного писателя, что даже купил Эллис кольцо и положил его в белую бархатную коробочку, забыв эту простую истину.

А теперь мысли предательски напоминали ему, что, примерно через час, у него заказан номер в одном из лучших отелей в центре города: бассейн на крыше, расслабляющий массаж, шампанское и фрукты в номер, где он хотел сделать предложение Эллис.

Как же ему хотелось кричать, хотелось выть от боли, внутренней боли, ей сейчас очень нужен был выход.

Солнечный день быстро высушил слезы, на смену которых пришла злость. «Если я сейчас не выплесну всю эту злость, она просто раздавит меня» – думал Джеймс.

В его голове один за другим всплывали образы: Вот он влетает в редакцию, хватая Вайлет за волосы, вытаскивая её в офисный зал, где клерки печатают рассказы других, более удачливых писателей, он пинает Вайлет, не давая ей встать, она рыдает и просит его перестать, говорит, что ошиблась, что его роман достоин Пулитцеровской премии, но Джеймс больше не верит её лживым холодным глазам, ей больше не удастся его одурачить. Клерки смеются над ней, сейчас она выглядит ещё более униженной, чем он.

Заставляя её залезть на окно четвертого этажа, Джеймс срывает с неё блузку, обнажив висячие груди, у неё отвратительные дойки, они на девяносто процентов состоят из сосков, прямо как два черных замка с небольшими рвами. Наконец-то, Вайлет унижена, её плач переходит в истерику, стоя на самом краю подоконника, она шатается, как пьяная, больше не управляя своим телом. Размахивая руками, чтобы не упасть, Вайлет пытается ухватиться за раму окна, как вдруг Джеймс кидает ей свою рукопись, – не осознавая, она хватается за роман, прижимая его к груди, и под тяжестью двухгодичного написанного с таким трудом, тома с криком падает вниз, клерки аплодируют ему: он избавил их от сучьей королевы, ненавистного всем узурпатора.

Зловеще улыбаясь, Джеймс останавливается рядом с алкогольным супермаркетом – сейчас это неплохая альтернатива: боль лучше заглушить, чем наделать ещё больше глупостей.

Радуюсь своей блестящей идее, что нашел выход из этой патовой ситуации, хоть и на время, Джеймс заходит в магазин. Его мысли опять вернулись к бедняжке Эллис: он представил, как она сейчас волнуется, не зная, что с ним, почему он не доступен. Взгляд останавливается на Бакарди блэк. Все-таки надо отправить ей смс. Но что можно ей написать, чтобы она не изводила себя?

А завтра он обязательно ей всё расскажет, вот только придумает, какие подобрать слова.

Откуда-то издалека, он услышал, что к нему обращаются.

– Мужчина, Вы ром брать будете? – раздался голос продавщицы, – мужчина, Вы задерживаете очередь!

– Да, пожалуй, буду, – сказал Джеймс.

– С вами всё в порядке? Вы плохо выглядите.

Джеймс был уверен, что его обычный бледный цвет лица, сейчас превратился в бледно-зеленый оттенок – он мог бы с легкостью пройти кастинг на роль ходячего мертвеца.

– Я в норме, мне ещё пачку Мальборо и скитлс.

Выходя из магазина, Джеймс обернулся, взглядываясь в пухлое лицо продавщицы. Он подумал: «Интересно, как часто она плачет по ночам, скорее всего, её жизнь суший ад».

Пока он выбирал для себя убийцу его мозговых униженных клеток, на улице уже стемнело, легкий ветерок обдувал его лицо, взъерошивая волосы.

Осмотревшись по сторонам, Джеймс увидел вход в центральный парк. То, что нужно: свежий лесной воздух и черненький пиратский ром – отличная компания для испорченной жизни. Злость понемногу утихла, но, как говорится, затишье, обычно, наступает перед бурей.

Подходя к парку и остановившись у светофора, Джеймс увидел девушку в таком же пальто, как у Эллис, по нервам пробежал ток. «Это Эллис, она пошла меня искать», – пронеслось в его голове. Загорелся зеленый свет, переходя дорогу, Джеймс с облегчением вздохнул: это не она, просто девушка в таком же пальто. Милая Эллис, мысли опять вер-

нулись к мрачной картине: она сидит у окна, держа в руках телефон, и плачет. Нет, этого он больше вытерпеть не мог, Джеймс включил телефон, быстро, пока не раздался звонок, напечатал сообщение:

«Дорогая Эллис, со мной всё в порядке, не волнуйся. У Ричарда небольшие проблемы, буду ночевать у него. До завтра! Целую Джеймса». Отправить!

«Стало немного лучше, хорошо, что мой братец обладает не самой лучшей репутацией, и в то, что у него проблемы, можно легко поверить. Но какая это всё-таки ложь, какой отвратительный обман. Мерзость! Я ещё никогда, не врал Эллис, да и как можно лгать ангелу, после этой лжи чувствуешь себя, как будто только что вылез из мусорного бака, грязный, жалкий обманщик».

Парк вечером был забит до отказа, но ему все-таки удалось найти свободную скамейку.

Девяносто процентов посетителей парка были влюбленными парочками, они мило прогуливались, сидели на лавочках, с нежностью прижимаясь друг к другу.

Джеймс решил начать сначала, как говорил ему отец: «когда не знаешь с чего начать, начинай сначала». Почему он вдруг решил стать писателем, что за наваждение захватило его душу, почему он вдруг почувствовал непреодолимое желание писать.

Первый глоток рома был отвратительным, Джеймс очень редко выпивал, только, когда была особая причина или за-

валивался ночью пьяный брат.

Ричарду сложно было отказать в компании собутыльника, старший брат с легкостью находил повод и, как никто другой, мог подобрать ключи к его скрытой человекоподобной натуре алкоголика.

«Вспомнить хотя бы, как он прикатил в два часа ночи на новой машине, разбудил весь дом и, конечно, нас с Эллис. Войдя в квартиру, первым делом подарил Эллис букет цветов, которые сорвал где-то на клумбе, и, не разуваясь, прошел на кухню, громко распевая "It just so happens that I'm so happy".

Поставил на стол два пакета с фруктами и конфетами, две бутылки тридцатилетнего Виски и Шампанское для Эллис. И, со словами «Друзья, как же я вас люблю», пригласил нас к столу.

Ну, как можно устоять перед такими галантными манерами родного братца. На утро он заказал такси, так как выяснилось, что вчера он разнес своим мерседесом стоящую рядом бетонную лавку».

Второй глоток уже был не таким противным, наоборот, он смог почувствовать настоящий вкус жгучего рома. Закопавшись поглубже в прошлое, он начал вспоминать.

Где-то рядом с парком по дороге промчалась скорая, и её сирена разбудила в Джеймсе чувство далекой ностальгии, чем дальше удалялся от него звук серены, тем сильнее накачивали на него воспоминания о прошлой жизни.

Когда-то он был врачом, а, точнее, реаниматором, он работал в машине скорой помощи, выезжая на вызовы вместе с бригадой врачей. В его жизни ещё не было Эллис, он только что закончил медицинский колледж и постигал все прелести врачебной профессии.

Почему-то сразу вспомнился его первый выезд: у больного было сильное обморожение, он случайно провалился под лед, решив, что сократить путь по тонкому льду было хорошей идеей. Я как сейчас помню его глаза они выражали благодарность, когда мы сажали бедолагу в машину, его зубы выбивали самый настоящий канкан.

Сделав ещё глоток, Джеймс усмехнулся. Это было не самое яркое впечатление из его работы в скорой помощи, но почему-то именно оно запомнилось ему больше всего. Если посмотреть со стороны, можно сказать, что он спасал людям жизни, наверно, даже больше, чем кто-либо, но тогда он об этом не думал, а вспомнил почему-то сейчас.

Потом были два года работы в реанимации: постоянное напряжение, чужое сердцебиение, трубки для внутреннего питания, маски с опьяняющим кислородом, белые стены, ночные смены и бесконечное балансирование между жизнью и смертью постоянно прибывающих в реанимацию пациентов.

Тогда он делал что-то действительно полезное – его любили и благодарили. Один раз в свою смену он даже установил рекорд по спасению жизней: за сутки он «завел» восемь

человеческих сердец с помощью дефибриллятора. Сейчас смотря на свои руки, Джеймс не мог поверить, что когда-то они были обучены так ловко спасать человеческие жизни. Как же это было давно.

Солнце зашло за горизонт, обещая вернуться ранним утром. Вечерняя прохлада заставляла прикладываться к бутылке всё чаще. Ром приятно согревал горло, плавно распространяясь по всему телу. Два года назад именно в этот день, 15 октября, он закончил свою ночную смену и поехал до Ричарда, проконсультироваться по одному юридическому вопросу. Приехав к брату и закончив все дела до обеда, Джеймс решил подвезти до школы Алекса, сына Ричарда и Керри.

Алекс должен был защищать макет солнечной электростанции, который они вместе с родителями мастерили полночи. Джеймс вспоминал, как помог ему донести макет до кабинета физики и, попрощавшись с племянником, покинул класс. Спускаясь по лестнице, он увидел девушку с огромной стопкой учебников в руках и пока он замороженно смотрел на этого ангела образования, один из учеников, видимо, опаздывая на урок, пролетел как ураган рядом с ней, случайно задев ее плечом. Учебники посыпались на лестницу, как спелые яблоки. Крикнув в сердцах «спасибо» маленькому «купидону», Джеймс решил воспользоваться моментом: наклонившись, они стали собирать учебники с пола – это была литература для выпускников 11-ого класса.

Увидев среди них Роберта Стивенса, он вспомнил, что когда-то читал его рассказ под названием «Дьявольская бутылка». Подняв сборник, Джеймс протянул его девушке, их глаза встретились, и он, сам от себя не ожидая, процитировал героя из того самого печального рассказа: "Встретил я Вас здесь на дороге, увидел Ваши глаза, похожие на звезды, и сердце мое полетело к Вам как птичка". Улыбнувшись и смущенно опустив глаза, девушка сказала: «Я надеюсь, после этого Вы не предложите купить у Вас магическую бутылку?»

Какой у неё был голос, какие глаза – сказать, что он влюбился в неё по уши, – ничего не сказать.

– Нет, всё, что я хочу, это узнать Ваше имя – ответил тогда Джеймс с искренней улыбкой.

– Меня зовут Эллис!

Очень приятно «Эллис», сказал Джеймс, смотря девушке в глаза. Вернувшись из воспоминаний в парк, где он сидел, Джеймс увидел, что влюбленных парочек в парке становилось всё меньше, как в прочем, и рома в бутылке. Жидкая тьма начала постепенно заполнять его сердце пустотой. Попробовав встать с лавки, Джеймс почувствовал приятную легкость в конечностях и небольшое головокружение, как результат выпитого алкоголя и обилия свежего воздуха, наполнившего его легкие.

Мысли о случившемся уже не приносили боли, а внутренний голос больше не называл его жалкой мандой с беличьей мордой.

Спокойно продвигаясь к выходу из парка, Джеймс почувствовал, как выпитая бутылка рома начинает его догонять. Словно пиратский корабль с капитаном "Черной Бородой" на борту, он догонял его Испанскую шхуну. Громко крикнув «Яррррр», Джеймс засмеялся. К горлу резко подступила тошнота. Пытаясь ухватиться одной рукой за столб, Джеймс сделал низкий поклон к земле. Пираты догнали и дали залп из всех пушек – легкости как ни бывало, ноги стали ватные, а разум его хватался за любую мысль, как за спасательный круг.

Джеймс вышел из парка.

Глава III

Ночь вступила в свои права: огни проезжавших машин, яркий свет витрин резал глаза.

Джеймс, шатаясь, шел по тротуару, не замечая никого, весь в своих мыслях, он толком не знал, куда ему идти. Но решение нашлось довольно быстро: ноги сами повернули в сторону дома Ричарда – идти домой он не мог, не сегодня, не сейчас. Эллис не должна его видеть в таком состоянии.

В гостиницу где он забронировал номер для них с Эллис, Джеймс тоже пойти не мог, это было бы предательством с его стороны.

Оставался только Ричард. «Брат, только будь дома, пожалуйста» – с надеждой умолял Джеймс.

До Ричарда нужно было пройти несколько кварталов – Джеймс решил не ловить такси, чтобы немного прийти в себя; он надеялся, прогулка немного отрезвит и приведет его в чувство.

Качаясь из стороны в сторону, Джеймс пропускал идущие ему на встречу шумные компании.

Проходящие мимо парни громко смеялись или спорили друг с другом, пытаясь произвести впечатление на идущих рядом девушек. Ему было хорошо известно, откуда они все идут.

В этом районе был самый популярный паб "Midnight" – он

частенько там бывал.

Пройдя квартал, Джеймс решил передохнуть. Облокотившись на витрину магазина, он плавно спустился на корточки, давая отдохнуть ногам. В руках у него был черный портфель, посмотрев на него, он усмехнулся. Мысленно вернувшись в это злополучное утро, произошедшее стало казаться ему смешным. Плюющаяся ядом Вайлет и его глупое выражение лица, когда она сказала, что беллетристика, которую он написал, – всего на всего претенциозная чушь, такая же, как и его фальшивый талант писателя.

Полностью расслабившись и вытянув ноги, Джеймс уселся на ещё теплый асфальт. «Брусника, – сказал он вслух, – Брус-ни-ка – что за тупое название я придумал! Подходящее название для реферата по ботанике».

Не удержавшись, Джеймс рассмеялся. И, чем дольше он смеялся, тем больше его смех походил на смех сумасшедшего, которому говорят, что он больше не может управлять психиатрической клиникой; он так долго в ней работал, что сам помешался и превратился, таким образом, в пациента. А умалишенный не может управлять клиникой, даже если он искренне считает себя главным врачом.

Запрокинув голову, Джеймс посмотрел на звезды – на ночном небе ничего не изменилось, звезды продолжали всё так же светить, как и тысячу лет назад, они оставались безмолвными наблюдателями исторических ошибок и побед человека.

Закрыв глаза и растворившись в призрачном свете звезд, Джеймс почувствовал, как к нему приходит осознание, осознание того, что он всего лишь человек на планете Земля, которая в этот самый момент крутится вокруг Солнца находясь в огромной галактике.

Его дыхание перехватило – вцепившись в портфель с "Брусничкой", он почувствовал, как всё вокруг закружилось; на несколько секунд он даже подумал, что может оторваться и улететь.

Открывая глаза, Джеймс надеялся, что всё прекратится, но земля и всё вокруг продолжала кружиться.

Выравнивая дыхание и останавливая карусель в своей голове, Джеймс разжал побелевшую от напряжения руку, медленно отпуская кожаную ручку своего портфеля. Постепенно всё снова встало на свои места.

Глубоко вдохнув, Джеймс встал.

До дома Ричарда оставалось пройти несколько перекрестков. Его ноги, словно пьяные клоуны, насмехались над ним, шагая каждая в разные стороны. Сознание его твердило, что лучший путь будет через дворы – так можно сократить расстояние и не бояться, что его остановит полицейский. В таком состоянии он даже не сможет сказать адрес брата. Наверняка, Пароходная 12* может прозвучать, как «жараходная». А выступать в роли весельчака ему никак не хотелось.

Приняв твердое решение перейти улицу и пройти через дворы, Джеймс неожиданно остановился.

Его затуманенный взгляд, вдруг стал более ясным – напротив него через дорогу светилась вывеска: "Кулинарная Лавка Братьев Караваевых".

Пытаясь заглушить свою злость алкоголем, Джеймс знал, что она никуда не исчезла, всё это время злость накапливалась, продолжая тихонько резвиться в его голове.

«Так значит, эти братья Карамазовы – талантливей, чем я! Значит, в их вывеске больше таланта, чем во всём моем романе, который я писал несколько лет!» – последние слова Джеймс выкрикнул с такой злобой, что пробегающая мимо собака развернулась и побежала в обратную сторону.

Ему было приятно, что нарастающий в его груди гнев поднимался, словно шипящая ядом кобра.

Опьяненный разум шептал ему выпустить всю злость, что накопилась за целый день, за целые два года, за всю жизнь!

И Джеймс даже не думал сопротивляться этому возбуждающему чувству скорой расправы.

Он знал, что лучше выпустить ядовитую змею на свободу, в противном случае, она отравит его своим ядом, и всю оставшуюся жизнь он будет считать себя жалким неудачником, который засунул свою гордость в жопу и смирился со своим унижением.

«Ах вы, суки! Решили, что я трусливая тварь и не смогу дать вам отпор, не смогу и слово сказать, думаете, я подожду хвост и убегу, как обсосанная дворняга?! Да?!» – глаза его налились кровью, в них всё ярче разгорался огонь мести.

Озираясь по сторонам, Джеймс высматривал случайного прохожего или полицейскую машину – любого, кто мог бы испортить момент расплаты. Но улица оставалась пустой – только он и Братья Караваевы. Они вышли один на один, как в фильмах про ковбоев.

Осматриваясь вокруг себя в поисках карманного оружия массового поражения, Джеймс увидел крупный осколок кирпича: «То, что нужно!».

Подняв кирпич, Джеймс почувствовал, как хорошо он лежит в руке – осколок был среднего размера, но достаточно тяжелый, чтобы разбить витрину Кулинарных братьев. Оставалось только выбрать, в кого из братьев кинуть камень.

На витрине были изображены два брата, довольные собой и своей гениально написанной вывеской, они стояли в колпаках и чему-то улыбались.

Джеймс размахнулся и кинул камень так сильно, как только мог.

«Бах!» – звук разбитого стекла, посыпавшегося на асфальт, прокатился по всему кварталу.

Джеймс был уверен, что вся витрина полетит к чертям, но камень сделав в витрине дыру, закончил свой полет с глухим звуком, упав прямо за прилавок. Присмотревшись, Джеймс увидел, что камень начисто снес голову левому брату.

У него была самая идиотская улыбка.

Немного пошатываясь, Джеймс перешел дорогу, медленно исчезая в темном переулке кирпичных трущоб.

Не успел он пройти и ста метров, как услышал чей-то крик – обернувшись и ожидая увидеть бегущего на него человека, Джеймс уже мысленно приготовился отвечать за свой поступок, но переулок был пуст, никто за ним не гнался. Уже подумав, что ему показалось, он услышал крик ещё раз – теперь он понял, что кричат где-то впереди, голос определенно принадлежал девушке.

Щурясь и пытаясь различить какие-нибудь силуэты, Джеймс быстрым шагом пошел навстречу к источнику этого звука.

Голос то затихал, то снова становился громким. Такой резонанс мог быть только в двух случаях: когда человек распевается перед выступлением, повышая и понижая тембр голоса, другой вариант – это когда человеку зажимают рот ладошкой, чтобы он не кричал.

Глава IV

Рассчитывать на то, что Джеймс встретит оперную певицу, разогревающуюся перед концертом для бомжей, было бы оптимально, но в данном случае маловероятно.

Опьянение никуда не ушло, поэтому он не мог позволить себе перейти на бег, чтобы попросту не упасть.

Подойдя достаточно близко, он увидел в темноте две фигуры: мужчина прижимал девушку к мусорному баку, закрывая ей рот своей рукой.

– Эй, ты! отошел от неё!

Девушка, почувствовав спасительную помощь, стала кричать ещё громче.

– Отпусти девушку, я сказал!

– Чё!?! – парень повернулся в сторону Джеймса, – Слышь, у нас тут как бы личный разговор, я не советую тебе в него вмешиваться.

Ростом под два метра, парень возвышался словно минотавр над худенькой девчонкой.

Быстро осмотревшись, попытавшись найти глазами хоть что-нибудь, что можно использовать в качестве оружия, Джеймс выругался: в переулке, как назло, валялись только коробки.

Подбежав к парню, Джеймс со всей силы оттолкнул его от девушки. Не ожидая такого поворота событий, парень не

удержался, и запутавшись в собственных ногах, рухнул на асфальт.

На девушку было больно смотреть: вся зареванная, с черными разводами на лице, она смотрела на Джеймса с застывшими от ужаса глазами.

– Беги, быстро! – крикнул ей Джеймс.

Бугай стал подниматься на ноги.

Девушка, боясь даже посмотреть в сторону своего мучителя, подхватила сумочку и побежала со всех ног, прочь из переулка.

Проследив за тем, чтобы она удалилась на безопасное расстояние, Джеймс обернулся.

Верзила стоял на ногах.

– Ну, че, герой, бля, спас бедную девушку? А ты знаешь, что эта шлюха, пока мне тут отсасывала, ухитрилась стащить кошелек из моего кармана? Теперь подумай, ради кого ты решил здесь сдохнуть.

Его перекосившееся от злости лицо, было сравнимо с мордой быка, а громкое и шипящее дыхание говорило о том, что этот бык готов в любую минуту проткнуть вставшего на его пути тореадора.

Джеймс понимал, что бугай настроен серьезно и что бы он ни сказал в свое оправдание, целым ему уйти уже не удастся.

Но Джеймс и не хотел оправдываться, он сделал то, что должен был сделать: какая бы ситуация ни была, девушек бить нельзя.

– А меня так в детстве воспитали, что девушек обижать нельзя. Видимо тебя этому не учили, – сказав это, Джеймс пошел на быка.

Из оружия у него была только истина пьяного джентльмена.

– Смело, но безрассудно! – усмехнувшись, верзила встретил его боковым ударом в челюсть.

Джеймс выдержал удар, и каким-то чудом еще оставался на ногах.

От второго удара Джеймс попробовал увернуться в стиле пьяного мастера, но слишком поздно, огромный кулак впечатался ему чуть выше виска. В голове всё перевернулось, переулочек и жертва ограбления вдруг закружились в неистовом хороводе. Не удержавшись на ногах, Джеймс упал.

Это весьма позабавила верзилу, он рассмеялся.

– И всё? Нет, парень, так просто ты от меня не отделаешься.

Подойдя к нему вплотную, он поднял Джеймса и снова поставил его на ноги:

– Давай, герой, второй раунд – первый ты уже слил.

Встав в стойку, здоровяк начал раскачиваться, как боксер перед грушей, думая, куда ему лучше ударить.

Перед глазами Джеймса всё ходило ходуном, и он никак не мог остановить головокружение.

Бугай расплывался, как и всё вокруг, но мозг его все ещё соображал, и он знал, что сейчас последует новый удар. Не

дожидаясь, пока бугай решит, какой степени инвалидом его сделать, Джеймс сделал резкий (как он думал) выпад вперед, целясь быку прямо в голову. Послышался хруст челюсти, или это был нос. Парень, явно не ожидая такого от боксерской груши, пришел в неистовую ярость. Удар справа по почкам, ещё удар – Джеймс почувствовал, что его прижали к мусорному баку, в точности как девушку, которую он спас. Бык ударил с головы – и кровь за доли секунды залила ему глаза – теперь Джеймс уже точно ничего не видел, только слышал дыхание, громкое, бешеное дыхание.

После ещё нескольких ударов, похожих по силе на удары кувалдой, Джеймс перестал что-то чувствовать, звуки стали влажными. Он пытался хоть как-то защищаться от ударов, но никаких сил уже не было.

Его организм уже не реагировал на удары, решив переключиться в режим шока.

Посчитав, что с него довольно, парень сказал:

– Я говорил, что ты здесь сдохнешь? – посмотрев на Джеймса, он крикнул, – Говорил!

Джеймс, поднимая голову, попытался открыть опухшие и залитые кровью глаза.

Ему только удалось приоткрыть правый глаз – через тонкую шелку он увидел, как бык осматривается, сначала влево, затем вправо. Оглядевшись, переведя взгляд на Джеймса, верзила плюнул кровавой слюной на асфальт. Всё-таки это была челюсть. Засунув руку в карман, он вытащил отту-

да, что-то блестящее, присев на корточки и наклонившись к Джеймсу, произнес:

– Пора прощаться, герой, я уверен шлюха тебя не забудет.

Сказав это практически шепотом, он ударил его чем-то острым. Застонав, Джеймс пытался встать, но тщетно. Приложив руку на место удара, он нащупал что-то горячее. Кровь сочилась из его груди, удар был сделан под ребра, прямо к сердцу. Дыхание перехватило. Оценивая обстоятельства максимально трезво, он понимал, что ситуация у него крайне тяжелая. Если не остановить кровотечение и не попасть в больницу, он истечет кровью за пять, максимум десять минут. Бык не спеша удалился, оставляя Джеймса одного в грязном переулке.

Глава V

Напряжение нарастало, паника и усиливающаяся боль в груди были ничем иным, как отчаянным криком о помощи.

Но как он ни старался закричать, из его уст вырывался только стон.

Джеймс попытался найти телефон, но обшарив все карманы, ничего не нашел, «наверно он вылетел, когда меня месил этот ублюдок».

Джеймс закрыл глаза, где-то звучала музыка, может из бара или из квартиры, он слышал какие-то голоса; улица дышала свободой, ночь была холодной, холодной ко всем.

Почувствовав этот холод внутри, понимая, что это значит, Джеймс решил не сопротивляться.

Сил, чтобы встать у него не было, позвать на помощь он тоже не мог. Воссоздав в памяти, в каком хорошем настроении он проснулся сегодня, какие были потрясающие планы на этот день, и не только на день, на всю жизнь, Джеймс прослезился. Как он мог так всё испортить.

Вспомнив про маленькую бархатную коробочку, Джеймс стал обшаривать карманы, мысленно надеясь, что кольцо все еще с ним. Засунув руку во внутренний карман, он нащупал то, что искал.

Некогда девственно белая коробочка за несколько секунд превратилась в багровую.

Джеймс понимал, что, если местные бомжи найдут его холодным, первым делом они заберут кольцо.

А этого допустить он никак не мог.

Как же так получилось, что глупое мнение человека, подкосило всю его жизнь, всего лишь человек, один из миллиона мнений. Ведь другому редактору роман мог бы понравиться, а, даже если нет, ну и черт с ним – в мире столько разных идей, возможностей; ведь, пока у тебя есть жизнь, весь мир лежит у твоих ног.

А теперь получается, что я лежу в грязном переулке, истекая кровью. И моя жизнь на этом закончена?

Всё меньше чувствуя свое тело, Джеймс растворялся в своих мыслях – пока ты мыслишь, ты существуешь. Всё, что у него сейчас осталось – его мысли.

Говорят, что перед смертью вся жизнь проносится перед глазами, но у него перед глазами была Эллис.

Её лицо было так близко, её улыбка, в ней было больше света, чем в сотнях тысяч солнц.

Джеймс представил, что они лежат в постели у себя дома, наслаждаясь отдыхом, не торопясь куда-то вставать. Элли проснулась раньше него – так часто бывало. Открывая глаза, Джеймс видел: она, улыбаясь, смотрит на него, – это было самое прекрасное чувство, которое человек может испытывать. Только проснувшись, видя её улыбку, Джеймс чувствовал себя по-настоящему счастливым.

Вдруг ему стало очень хорошо, тепло, он видел перед со-

бою лицо Эллис, она нежно гладила его по щеке и улыбалась. Когда уже смирился со смертью, вдруг очень сильно хочется жить.

Рука Эллис стала холодной. Её нежные поглаживания превратились в удары, она кричала.

– Эй, эй, Парень! Ты жив? Ты меня слышишь?

Приоткрывая распухший правый глаз, Джеймс увидел мужское лицо.

– Парень, «скорую» я уже вызвал, потерпи немного.

– Ты кто, Ангел?

– Пока ещё нет, но если тебя спасу, точно им буду.

– Как ты меня нашел? – хриплым, от пересохшего горла голосом спросил Джеймс.

– Та девчонка, которую ты спас, она сказала, где тебя искать. Я приехал на сигнализацию: какой-то придурок разбил витрину моей пекарни.

Джеймс смутно вспомнил, как снес голову одному из братьев, всё это уже было, как будто в другой жизни.

Мертвенно бледный он пристально смотрел на своего спасителя слипшимися от крови глазами. Жизненные силы утекали вместе с желанием что-то говорить.

– Эй, парень, не отключайся, держись, «скорая» уже близко... Всё будет хо...

Часть вторая

Глава I

Утро Эллис начиналось с того, что она вставала ровно в 7:00. Джеймс ещё сладко спал, она заходила на кухню тихонько, стараясь не греметь посудой, и варила себе кофе.

Потом одевала свой спортивный костюм, и, налюбовавшись на спящего Джимми, выходила на пробежку.

Утренний город благоухал свежестью солнечного утра, птицы звонко заливались своими песнями, посвящая их новому, прекрасному дню. Пробежка в ранние часы, приносила ей массу удовольствий: её спокойный и размеренный бег, где она была сама собой, наедине со своими мыслями, помогал ей настраиваться на новый день. В такие минуты мысли были такие же свежие, как и сам воздух.

Сегодня она тоже бежала – только не по цветущему парку, а по белым коридорам больницы, выжигая страх движением, повторяя снова и снова его имя. Задыхаясь от волнения, ей казалась, что она дышит старым и мертвым воздухом, словно на пути к её легким, он прошел через множество других.

Подбежав к кабинету дежурного врача и поднимая руку, чтобы постучать, Эллис вдруг остановилась. Сильный запах формальдегида настраивал ее подсознание услышать плохие

новости.

Больше всего Эллис боялась увидеть отработанный до автоматизма грустный взгляд доктора и услышать от него извинения. Одно слово сейчас стоило целую жизнь.

Слезы катились из глаз, отдавая свою влагу сухим губам.

Всю ночь она просидела с телефоном в руках, душа её металась, не давая уснуть.

После его сообщения она, наверное, раз двести набирала Джеймса, но он был не доступен. Она звонила и Ричарду, но тот тоже был в не сети. Держа в одной руке пульт от телевизора, в другой – телефон, Эллис переключала свои мысли словно каналы, с одного на другой. И каждый канал был страшнее предыдущего. Она передумала всё, что могло бы произойти, вплоть до того, что Джеймс нашел другую, решив её бросить. Приняв несколько таблеток успокоительного, и стараясь не падать в пучину тревожных мыслей, Эллис уснула.

В шесть утра её разбудил звонок, звонил Ричард.

Отвечая ему, она ещё спала; он что-то быстро и возбужденно говорил:

– Алло! Эллис! Быстро собирайся и поезжай в больницу "Святого Стефана". Джеймс тяжело ранен, врачи везут его в реанимацию. Алло! Эллис, ты меня слышишь?!

После выпитого снотворного, сознание отказывалось приходить в себя.

– Эллис, Алло! Ты слышишь меня вообще?! Джеймс в

больнице!

Последняя фраза привила её в чувство. Джеймс!

В ту же секунду Эллис словно ударило током, вчерашняя бесконечная монотонность "а вдруг" превратилась в ошеломительную реальность "сейчас".

Посмотрев на потухший экран телефона, она не могла поверить, что предчувствие чего-то плохого её не обмануло.

«Что с Джеймсом? Почему он в больнице?» Она набрала Ричарду, телефон был занят.

Тело бросает в дрожь, а мозг начинает посылать панические сигналы «Джеймс в больнице, Джеймс в больнице, Джеймс в больнице».

Эллис пытается не слушать их, но тело слышит и впадает в отчаяние: потеет, немеет, сотрясаясь дрожью.

Футболка, в которой она уснула, прилипает к её груди и к спине, – кажется, что липкий страх проник в самые кости. Даже кровь в её жилах принимается вибрировать в унисон со звенящей тишиной.

Выскочив из постели и приказывая сердцу сохранять спокойствие, Эллис начала собираться, изо всех сил стараясь не впадать в истерику.

Одевшись, как при пожаре, она вылетела из квартиры. Бешено нажимая кнопку вызова лифта, она не сразу заметила, что лифт не работает. Взыв от отчаяния, она побежала на лестничную площадку; сердцу стало уже наплевать на приказ сохранять спокойствие, оно стонало и рычало, бившись

в грудной клетке.

Ночью была гроза, которую плавно сменил сильный ливень, поэтому улица встретила её дождем с холодным ветром, который сразу швырнул в её лицо острые, словно иглы, капли дождя. Выбежав на проезжую часть дороги, Эллис подняла руку, в надежде быстро остановить такси. Мышцы её рук и ног героически одолевших спуск, от перенапряжения начинало сводить судорогой. Но машины, будто бы игнорируя её, проезжали мимо, освещая безразличным светом.

Не думая сдаваться, она стояла не опуская руки, пытаясь поймать машину и одновременно управлять своим непослушным телом, которое кидало из стороны в сторону от прерывистого дыхания.

Зная, что промедление подобно смерти, она молила бога, чтобы хоть кто-нибудь остановился.

Простояв десять минут и окончательно промокнув, ей всё-таки удалось поймать пустое такси.

Глава II

И вот она стоит перед кабинетом врача, не желая переворачивать страницу. Каждая её клеточка билась в агонии, не желая признавать серьёзность ситуации.

Услышав сзади шаги, Эллис обернулась.

К ней шла медсестра, наверное, тоже в кабинет врача.

Стук приближающихся каблучков заставил её постучать.

Услышав «войдите», Эллис вздрогнула и открыла дверь.

– Здравствуйте, врач, не отрывая глаз от кипы бумаг, предложил ей присесть.

Подкосившиеся ноги медленно усадили Эллис в кресло.

– Вы по какому вопросу?

– Я... – Эллис сделала небольшую паузу, – девушка Джеймса Райли, его сегодня утром доставили к вам в реанимацию.

Сказав это, она прикусила губу, не сводя глаз с доктора.

– Да, он сегодня поступил к нам с ножевым ранением с большой потерей крови и сломанными ребрами.

На Эллис было страшно смотреть: её всегда светящееся лицо было бледным, как больничные стены.

Видя её состояние, доктор решил не тянуть с ответом и быстро сказал:

– Да всё хорошо с Вашим парнем, операция прошла успешно, сейчас ему делают переливание крови. Всё в по-

рядке, денек другой и побежите в ЗАГС на перегонки.

Выпалив эту глупую шутку, врач засмеялся.

Услышав его слова, тело Эллис, тут же аварийно расслабилось, погрузившись в плюшевую мягкость кресла, как в утешительные объятия.

– Можно мне его увидеть?

– Нет, он сейчас в послеоперационной палате, посещение запрещено, сами должны понимать, лишние эмоции ему сейчас только навредят. Когда его состояние стабилизируется, мы переведем его в обычную палату и тогда сколько угодно.

Глаза Эллис наполнились слезами, они молили разрешить ей увидеть Джеймса, ещё секунда и она бы, разрыдавшись, упала на колени, привлекая господа бога на свою сторону, только бы доктор разрешил ей хоть одним глазком, увидеть любимого.

– Девушка, ну, не смотрите Вы на меня так. Здоровью Вашего жениха сейчас ничего не угрожает. Когда ему станет лучше, мы Вам сразу же сообщим.

Её обезоруживающий взгляд, врач бескомпромиссно парировал врачебной этикой и правилами больницы, которые он неуклонно соблюдал.

Закрыв за собой дверь кабинета, она вышла в коридор. Голова всё ещё кружилась и на душе по-прежнему было тяжело; собираясь с мыслями и выравнивая дыхание, сделала глубокий вдох.

«Всего лишь несколько дней я увижу его и...»

Неожиданно кто-то произнес её имя, она обернулась.

– Вы, Миссис Райли? Подойдите ко мне, пожалуйста.

Это была медсестра, та самая, что шла к ней, когда Эллис стояла у двери, не осмеливаясь войти.

Эллис не стала её поправлять и объяснять, что они ещё не помолвлены с Джеймсом.

– Миссис Райли, у меня для Вас кое-что есть, это вещи Джеймса.

Подойдя ближе к медсестре, Эллис увидела на столе чёрный портфель, с которым Джеймс ушел в то утро к редактору.

– Это сумка Вашего мужа? – вежливо уточнила сестра.

– Да, это сумка Джеймса, через силу улыбнувшись, взяла его портфель.

Ей хотелось уже поскорее выйти на улицу, вдохнуть свежий воздух, очистить голову от разных мыслей. Но медсестра не хотела её так быстро отпускать:

– Понимаете, Джеймса пришлось раздеть перед операцией. Вот здесь все его вещи.

С этими словами она достала из-за стола большой пакет.

Увидев содержимое пакета, грязного, запекшегося кровью костюма, Эллис снова бросило в жар, кислород исчез, она словно рыба начала хватать ртом воздух, не чувствуя ног.

Покачнувшись, но ухватившись за край стола, сумела сохранить равновесие.

– Подождите, я сейчас принесу Вам воды.

– Не нужно, спасибо!

Закрыв глаза, почувствовав, как потеют ладошки, Эллис сказала, что ей будет лучше выйти на воздух.

Собравшись силами и поблагодарив медсестру, она вышла на улицу.

Глава III

Утренний дождь прошел, оставив после себя мокрые улицы и разряженный воздух.

Увидев первую свободную лавочку, Эллис присела, чтобы спокойно обдумать всё, что произошло этим утром. Работать она сейчас явно не сможет, поэтому лучше будет взять отпуск на несколько недель. Решив, что будет лучше пригласить в гости племянницу, чтобы не сойти с ума в пустой квартире. Проведя рукой по черному лакированному портфелю, отстегнула застёжку.

Открыв портфель, она достала исписанные страницы.

Ей нравилась читать его роман, он вдохновлял её и заставлял улыбаться, чувствуя магическое притяжение каждой главы. Эллис одновременно находила в нем успокоение и интересные приключения, которых ей так не хватало в их размеренной жизни. Но теперь-то ей приключений точно хватит, до конца жизни. Немного расслабившись и позволив себе по-настоящему улыбнуться первый раз за день, она посмотрела на часы. Время приближалось к обеду, ей ужасно хотелось что-нибудь съесть, но один лишь взгляд на пакет быстро испортил ей аппетит.

В голове прозвучали слова медсестры "нам пришлось раздеть его перед операцией. Здесь все его вещи".

Как бы ей не было противно доставать окровавленные ве-

щи Джеймса, она не могла просто выкинуть их, не осмотрев.

Засовывая руку в пакет, Эллис достала пиджак – запах застывшей крови был просто ужасным.

Подняв его чуть выше головы, она первым делом похлопала по карманам, найдя там только чеки от купленного в алкомаркете рома и пачки сигарет. На очереди были брюки. Осматривая левый карман и не найдя там ничего, кроме горстки мелочи, перешла к другому. Отчаянно доставая всё содержимое, Эллис обратила внимание на скомканную однодолларовую купюру, такую же мятую, как и сами брюки. Купюра со следами засохшей крови выглядела так, словно её специально сворачивали и мяли, превращая в грязный клочок бумаги, но зачем? В голове возникают сотни разных ответов, но это всего лишь догадки. Любопытство берет верх, и Эллис начинает аккуратно разворачивать скомканную купюру, даже не представляя, что может там найти.

Внутренний голос подсказывает, что сюрпризы на этот день ещё не закончились и то, что она находит внутри, это подтверждает.

Раскрыв полностью купюру, она увидела кольцо, золотое колечко с камнем посередине.

Одного только взгляда на него хватает, чтобы горячая кровь в её венах превратилась в холодное течение ледовитого океана. Все звуки мира растворились в абсолютной тишине, часы замедлили свой ход, а воздух раскалился настолько, что кончики ее ресниц могли вспыхнуть от малейшего

ветерка.

Не отрываясь, Эллис смотрит на кольцо, боясь отвести от него взгляд, будто оно может исчезнуть, закрой она хоть на секунду глаза.

После того, что сегодня произошло, кольцо в её руках казалось чем-то неправдоподобным и, вместе с тем, чересчур окончательным.

Не выронив и слова, она, как замороженная, смотрела на него, и неизвестно сколько бы это могло продолжаться, если бы её не окликнул мужской голос.

– Элли, привет!

Быстрым шагом к ней шел мужчина, с огромной белой сумкой, перекинутой через плечо.

Опустив голову, она положила кольцо обратно в купюру.

Извини, я только приехал, хотел отнести Джеймсу фрукты и всё такое, но меня к нему не пустили.

Это был Ричард, небритый, с помятым лицом, но это был он.

– Мне сказали, ты только что ушла, была у врача, что он тебе сказал?

Эллис посмотрела на Ричарда так, словно не слышала его вопросы, мысли её до сих пор кружили вокруг кольца.

– Элли ты в порядке?

– Да, я просто... а что ты спросил?

– Я спросил, как там Джеймс, тебе разрешили к нему зайти?

– Нет, врач сказал, что неделю Джеймс ещё пролежит в реанимации, и пока он там, посещение невозможно.

– Да, я так и думал, – сказал Ричард, – это вещи Джимми? – он обвел рукой лежащий на скамейке костюм. – Их лучше выкинуть, поверь, тебе их незачем хранить.

Взяв костюм Джимми и затолкав его обратно в пакет, Ричард сказал:

– Как насчет того, что бы какое-то время пожить у нас?

– Нет, я в порядке, поверь, мне будет лучше дома.

– Ну, как знаешь, но сейчас ты едешь к нам. Мэри приготовила пасту и ждет нас на обед – ты же знаешь, как она относится к своим блюдам.

– Хорошо, не будем расстраивать Мэри, к тому же я ужасно голодная.

– Вот и отлично! Взяв в руки пакет, Ричард пошел его выкидывать.

Проследив за тем, как он скрывается за мусорными баками, Элис еще раз посмотрела на кольцо в своей руке, решив никому о нем не говорить, пока Джимми не станет лучше и его не выпишут из больницы.

Чтобы руководить своей судьбой, требуется выдающийся ум.

И если хаос заполняет твой мир, а рано или поздно он его заполняет, ему в противовес есть добрая сила, которая хочет, чтобы твой мир выжил. Тогда стабильность будет ощущаться и вознаграждаться, может не на всем пути, но боль-

шей его части.

Элис открыла ладонь и посмотрела на грязный и кровавый хаос, внутри которого зарождалась надежда.

Выбросив грязную оболочку, она крепко сжала в руке своё будущее.